

5.6.1. Отечественная история

ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕФОРМА 1861 г. В ТАВРИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ (с анализом базисных показателей выкупных платежей)

А.А. Дерусов

Аннотация. Исследование посвящено анализу региональных особенностей и социально-экономических последствий земельной реформы 1861 г. (отмены крепостного права) в Таврической губернии (Таврии). Особое внимание уделено уникальным условиям региона: отсутствию классического крепостничества, многонациональному составу населения (с преобладанием государственных, удельных крестьян и колонистов), развитому товарному сельскому хозяйству и интенсивным миграциям. На основе анализа базисных показателей выкупных платежей (стоимость десятины 35–40 руб., годовой платеж 8–10 руб. с души) доказывается их завышенный характер (в 1,8–2 раза выше рыночной цены) из-за капитализации высокого оброка. Выявлены ключевые региональные особенности реформы: масштабные отрезки земель (до 40%), особенно у государственных крестьян; высокая доля временнообязанных крестьян (75% к 1870 г.); распространение чересполосицы и кабальной аренды («испольщины»). Долгосрочные последствия включали: оскудение крестьянства (60–70% дохода уходило на платежи, рост долгов и залога земель), углубление земельного голода, этническое расслоение (льготы колонистов), массовое отходничество и усиление протестных настроений. В заключение подчеркивается, что, несмотря на формально благоприятные нормы наделов, реформа в Таврии привела к долговой кабале крестьянства, консервации полуфеодалных отношений и стала одним из факторов аграрных кризисов и революционной активности начала XX в.

Ключевые слова: крестьянская реформа 1861 года, выкупные платежи, Таврическая губерния, региональные особенности, социально-экономические последствия, аграрные отношения, временнообязанные крестьяне, отрезки, чересполосица, испольщина, земельный голод, колонисты, аграрный кризис

Для цитирования: Дерусов А.А. Земельная реформа 1861 г. в Таврии: региональные особенности и социально-экономические последствия (с анализом базисных показателей выкупных платежей) // Преподаватель XXI век. 2026. № 1. Часть 2. С. 291–298. DOI: 10.31862/2073-9613-2026-1-291-298

© Дерусов А.А., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

THE 1861 LAND REFORM IN TAURIDA: REGIONAL FEATURES
AND SOCIOECONOMIC CONSEQUENCES

(with Analysis of Baseline Redemption Payment Indicators)

A.A. Derusov

Abstract. *This study analyzes the regional characteristics and socioeconomic consequences of the 1861 Land Reform (abolition of serfdom) in Taurida Province (Taurida). Special attention is given to the region's unique conditions: the absence of classic serfdom, a multiethnic population (predominantly state peasants, court peasants, and colonists), developed commercial agriculture, and intensive migration. By analyzing baseline redemption payment indicators (35–40 rubles per dessiatina of land, annual payments of 8–10 rubles per capita), the study demonstrates their inflated nature (1.8–2 times higher than market prices) due to the capitalization of high quitrent obligations. Key regional features of the reform are identified: large-scale land cuts (up to 40%), especially from state peasants; a high proportion of temporarily obligated peasants (75% by 1870); widespread strip farming and exploitative sharecropping (ispolshchina). Long-term consequences included: peasant impoverishment (60–70% of income consumed by payments, rising debts, and land mortgages); deepening land hunger; ethnic stratification (privileges for colonists); mass seasonal labor migration; and intensified social unrest. The conclusion emphasizes that despite formally favorable land allotment norms, the reform in Taurida resulted in peasant debt bondage, preserved semi-feudal relations, and became a factor in the agrarian crises and revolutionary activity of the early 20th century.*

Keywords: *Peasant Reform of 1861, redemption payments, Taurida Province, regional characteristics, socioeconomic consequences, agrarian relations, temporarily obligated peasants, land cuts, strip farming, ispolshchina, land hunger, colonists, agrarian crisis*

Cite as: Derusov A.A. The 1861 Land Reform in Taurida: Regional Features and Socioeconomic Consequences (with Analysis of Baseline Redemption Payment Indicators). *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*. 2026, No. 1, part 2, pp. 291–298. DOI: 10.31862/2073-9613-2026-1-291-298

Крестьянская реформа 1861 г., отменившая крепостное право в Российской империи, имела выраженную региональную специфику. Общая картина реализации реформы и ее последствий в центральных губерниях нашла отражение в фундаментальных трудах П.А. Зайончковского [1], а экономические механизмы, в частности выкупная операция, детально проанализированы в работах С. Хока [2] и А. Лосицкого [3]. В современной историографии, включая украинских исследователей, реформа рассматривается в общероссийском и национальном контекстах. Однако комплексный анализ ее проведения в Таврической губернии с учетом уникальной социально-экономической структуры региона остается фрагментарным, что и определяет научную новизну данного исследования. Его цель — выявить региональные особенности реализации реформы в Таврии, проанализировать базисные показатели выкупных платежей и их долгосрочные социально-экономические последствия.

Методологическую основу работы составляют сравнительно-исторический метод, позволивший охарактеризовать специфику Таврии на фоне других регионов, и количе-

ственный (статистический) анализ данных выкупной операции, что обусловило достоверность расчетов и выводов. Сопоставление наблюдений и данных, приводимых в работах дореволюционных, советских и современных российских и украинских авторов, обеспечило репрезентативную основу для проведенного здесь анализа.

Таврическая губерния (Таврия), охватывавшая Крым и степные районы Северного Причерноморья, выделялась отсутствием классического крепостничества, многонациональным населением, плодородными землями и развитым товарным сельским хозяйством. Актуальность работы определяется необходимостью переосмысления роли региональных факторов в аграрных преобразованиях Российской империи, а также влияния выкупной операции на генезис аграрных кризисов начала XX в. Новизна исследования заключается в доказательстве тезиса о том, что, несмотря на изначально более развитые капиталистические отношения, фискальный и консервативный характер реформы привел в Таврии не к модернизации, а к долговой кабале крестьян и консервации полуфеодальных форм эксплуатации, что впоследствии вылилось в острые социальные конфликты.

Исторический контекст и предпосылки реформы в Таврии

К середине XIX в. в Таврической губернии сложилась особая социально-экономическая реальность, фундаментально отличавшая ее от центральных губерний Российской империи и предопределившая специфику проведения реформы 1861 г. [1]. Аграрный строй Таврии характеризовался отсутствием господства классического крепостничества. Вместо этого ключевую роль играли свободные сельские сословия. Наиболее многочисленной группой (около 45% сельского населения) были государственные крестьяне, обладавшие личной свободой и ведшие товарные хозяйства, являвшиеся важным источником хлеба для внутреннего рынка и экспорта. Значительную долю (примерно 20%) составляли удельные крестьяне, принадлежавшие императорской фамилии. Особенностью региона было также наличие мощного пласта иностранных колонистов (немцы, болгары), составлявших около 20% населения и пользовавшихся значительными льготами. Их высокотоварные и технически передовые хозяйства служили своего рода агрономическими моделями для региона [2].

В этой системе помещичьи крепостные крестьяне играли маргинальную роль, составляя лишь 15–20% населения. Это было следствием позднего освоения края и острой нехватки рабочих рук в степной зоне. Даже повинности таврических крепостных были существенно легче, чем в центре России, а помещики, конкурируя за рабочие руки, часто практиковали оброчную систему с относительно низкими платежами [3].

Формирование такой уникальной структуры стало прямым результатом активной государственной переселенческой политики, особенно усилившейся с 1830-х гг. Правительство стимулировало переселение государственных крестьян из малоземельных губерний, привлекало иностранных колонистов щедрыми льготами, а также происходила стихийная миграция малороссийских крестьян [4]. Эти мощные миграционные потоки, сочетание свободного труда, высокотоварных колонистских хозяйств и слабого крепостничества сформировали в Таврии аграрную структуру, характеризовавшуюся преобладанием крупных рыночно-ориентированных хозяйств, высокой степенью товарности, ранним развитием арендных отношений и значительной социальной мобильностью. К моменту реформы 1861 г. Таврия представляла собой регион с значительно

более развитыми, чем в центре России, капиталистическими отношениями в сельском хозяйстве, где крепостное право не было системообразующим фактором [5]. В этих условиях реформа должна была не столько «освободить», сколько адаптировать и регулировать уже сложившиеся рыночные механизмы.

Наряду с социальной структурой, важными предпосылками, повлиявшими на ход реформы, были экономические факторы. Таврия была важной житницей империи, специализировавшейся на экспорте зерна и шерсти и дававшей к 1860-м гг. до 12% общероссийского хлебного экспорта, что усиливало заинтересованность помещиков в сохранении контроля над землей [6]. Одновременно быстрый рост населения привел к обострению земельного голода, сократив душевые наделы государственных крестьян до 3–5 десятин, что было ниже даже минимальной нормы, установленной для степной полосы [5]. Это противоречие между формально высокими нормами наделов и реальным малоземельем стало одной из ключевых проблем реформы в регионе.

Региональные особенности реализации реформы

Проведение крестьянской реформы в Таврической губернии выявило ряд особенностей, вытекавших из местной специфики. Правовые условия наделения землей определялись «Степным положением», которое устанавливало для региона единую «указную норму» надела в 8–12 десятин на двор. Хотя эта норма была формально выше, чем в черноземных губерниях, она не учитывала засушливый климат и реальные потребности для ведения рентабельного хозяйства в степи [5]. На практике и эти формально благоприятные условия были существенно ограничены другими механизмами. Повсеместно проводились масштабные отрезки земель, в результате которых крестьяне теряли до 40% ранее используемых угодий, причем особенно сильно пострадали бывшие государственные крестьяне [6]. Серьезной проблемой, ущемлявшей хозяйственную самостоятельность крестьян, стала чересполосица. Около 70% крестьянских наделов в Таврии вклинивались в помещичьи земли, что вынуждало их арендовать эти земли на кабальных условиях, часто отдавая половину урожая.

Специфика выкупной операции в Таврии стала одним из ключевых факторов, определивших тяжелые последствия реформы для крестьян. Выкупная цена земли определялась не ее рыночной стоимостью, а путем капитализации дореформенного оброка из 6% годовых. Поскольку в Таврии оброк был особенно высоким (10–12 рублей с десятины против 3–5 рублей в нечерноземных губерниях), это привело к завышению выкупных цен в 1,8–2 раза по сравнению с рыночными [5]. Государственная схема финансирования, при которой крестьяне должны были внести 20% стоимости наличными, а остальные 80% получал помещик в виде государственных облигаций, оказалась для многих непосильной. Распространенной в губернии практикой стало получение так называемых «дарственных наделов» (1/4 от положенной нормы), которые крестьяне получали без внесения первоначального взноса, но ценой окончательной потери прав на остальную землю [6]. Процесс перехода на выкуп также шел крайне медленно: к 1870 г. 75% бывших помещичьих крестьян в Таврии оставались в статусе временнообязанных, что было выше среднего показателя по России (66%). Это было следствием саботажа со стороны помещиков, стремившихся сохранить доступ к дешевой рабочей силе и контролю над крестьянами.

Таблица 1

Базисные показатели выкупных платежей в Таврии (1861–1881 гг.)

Параметр	Значение	Сравнение с чернозёмной полосой
Средняя стоимость десятины (руб.)	35–40	20–25
Годовой выкупной платеж с души (руб.)	8–10	5–7
Доля выкупившихся к 1870 г. (%)	25	34

Социально-экономические последствия

Во второй половине XIX в. социально-экономические трансформации в аграрной сфере Российской империи продемонстрировали сложный характер последствий крестьянской реформы 1861 г., особенно в южных регионах, включая Таврическую губернию. Процесс освобождения крестьян сопровождался глубокой реструктуризацией сельской экономики, однако далеко не всегда означал улучшение условий жизни деревенского населения.

Одним из ярких экономических эффектов стало оскудение крестьянства, вызванное непосильной долговой нагрузкой. Выкупные платежи, составлявшие 60–70 % дохода среднего двора, становились хроническим источником финансового истощения. К 1880 г. почти половина крестьянских хозяйств в Таврии оказалась в долговой зависимости, а 20% земли было заложено в Крестьянском банке [5]. Такая ситуация не только подрывала аграрную производительность, но и способствовала маргинализации значительных слоев крестьянства, что, в свою очередь, укрепляло социальное напряжение в регионе.

Не менее показательной чертой периода стал рост арендных отношений. По данным исследований, около 80% крестьян арендовали так называемые «отрезки» у помещиков, зачастую на условиях, не способствовавших экономическому развитию. В Таврии сформировалась уникальная форма арендного соглашения — «испольщина», при которой аренда происходила за половину урожая. Эта практика не только закрепляла зависимость крестьян от помещичьего землевладения, но и консервировала докапиталистические производственные отношения, тормозившие развитие товарного сельского хозяйства [6].

Тем не менее, несмотря на финансовые трудности и эксплуатационные механизмы аренды, в регионе проявлялись зачатки модернизации сельской инфраструктуры. К 1890-м гг. в Таврии начали формироваться кооперативные объединения — маслобойни и кредитные товарищества — инициированные преимущественно немецкими колонистами. Эти институты стали не только проявлением экономической адаптации, но и индикатором локальной инициативы и стремления к самоорганизации в условиях ограниченного институционального капитала [5]. Таким образом, на фоне аграрного кризиса прослеживаются элементы устойчивости и зачатки социально-экономической трансформации, свидетельствующие о неоднородности и противоречивости модернизационных процессов в Таврической губернии конца XIX в.

Социальные трансформации, произошедшие в Таврической губернии во второй половине XIX — начале XX в., отражают широкий спектр изменений, вызванных как аграрными реформами, так и внутренними демографическими и этническими процессами. Одним из наиболее значимых явлений стал рост отходничества. По данным на конец XIX в., около 30% мужского крестьянского населения ежегодно покидало

свои наделы, отправляясь на заработки в порты южного побережья — Одессу, Севастополь, — а также на объекты железнодорожного строительства [6]. Это перемещение не только дестабилизировало традиционные общинные связи, но и способствовало размыванию прежних форм социальной организации, что вело к трансформации идентичности сельских общин.

Заметной чертой данного периода стало также этническое расслоение, связанное с неоднородностью условий выкупа и владения землей. Немецкие и болгарские колонисты, получившие значительные льготы, к 1890 г. контролировали до 40% товарного зерна региона. В то же время русские и украинские крестьянские общины продолжали пребывать в зоне экономической и продовольственной нестабильности [5]. Такое положение закрепляло социальную и имущественную иерархию, усиливая внутренние противоречия на фоне этноконфессиональных различий.

Выражением накопленного социального напряжения стали протестные настроения, охватившие регион сразу после реформы 1861 г. Таврия стала центром движения «В Таврию за волей» (1861–1863), в рамках которого тысячи крестьян из центральных губерний стремились к переселению, надеясь обрести «настоящую волю» на новых землях. Однако власти отреагировали на эти перемещения применением вооруженной силы, что продемонстрировало пределы реформаторской риторики империи [6].

Долгосрочные последствия этих процессов стали особенно очевидны к началу XX в. Земельный голод приобрел системный характер: к 1905 г. размеры крестьянских наделов сократились в 1,5 раза, несмотря на сохраняющиеся до 1907 г. выкупные обязательства [5]. Демографический рост усугублял нехватку ресурсов, усиливая социальное недовольство. В итоге Таврия превратилась в один из эпицентров аграрной революционной активности: в 1905–1907 гг. регион вошел в число «крестьянских бунтарских губерний», где было разрушено около 15% помещичьих экономий. Исследователи связывают это с незавершенностью реформы и системным характером крестьянской депривации [6].

Таким образом, социальные трансформации Таврической губернии демонстрируют сложную диалектику между модернизацией и архаизацией, где попытки изменения социальной структуры сталкивались с инерцией прежних форм зависимости и институциональной слабостью имперской политики.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что земельная реформа 1861 г. в Таврической губернии, несмотря на формально благоприятные стартовые условия — одни из самых высоких по Империи душевые наделы, — обернулась для крестьянства не освобождением, а долговременным социально-экономическим кризисом, корни которого уходят в специфику ее региональной реализации [5]. Эта специфика проявилась в комплексе взаимосвязанных факторов:

1. *Фискальный гнет выкупных платежей.* Установленные нормы выкупа (35–40 руб. за десятину, годовой платеж 8–10 руб. с души) не отражали реальной стоимости земли, а были основаны на искусственно завышенной капитализации дореформенного оброка. Это, по сути, превратило выкуп в инструмент масштабного перераспределения ресурсов от крестьянства в пользу помещиков и государственной казны. К 1907 г. крестьяне Таврии выплатили астрономические 220% от первоначальной ссуды, что является неопровержимым доказательством фискальной природы выкупной операции, как верно отмечал П.А. Зайончковский [1]. Освобождение обернулось многолетней долговой кабалой, истощавшей хозяйства.

2. *Длительное сохранение временнообязанного состояния.* Затягивание перехода на выкуп вплоть до 1883 г. (обязательного по закону 1881 г.) на 22 года законсервировало полукрепостнические отношения. Помещики сохраняли значительный административный и экономический контроль над крестьянами, а последние оставались юридически неполноправными, что препятствовало их хозяйственной инициативе и модернизации [5].

3. *Системная земельная дискриминация по этническому признаку.* Реформа закрепила и усугубила неравенство в доступе к земле. Колонисты (немцы, болгары и др.), имевшие привилегии и зачастую более крупные наделы на правах собственности, оказались в выгодном положении. Русские и украинские крестьяне, напротив, получили в основном надельную землю на обременительных выкупных условиях или оказались вынуждены арендовать ее у помещиков или колонистов на кабальных условиях [6].

4. *Укоренение полуфеодальной арендной системы («испольщины»).* Массовое малоземелье, усугубленное ростом населения и отсутствием доступного кредита, привело к широкому распространению испольной аренды. Эта система, при которой арендная плата взималась половиной (или иной долей) урожая, носила ярко выраженный полуфеодальный характер. Она ставила арендатора в крайне зависимое и уязвимое положение, лишала стимулов к долгосрочным улучшениям земли и фактически воспроизводила докапиталистические формы эксплуатации, тормозя развитие производительных сил в сельском хозяйстве [5].

Социально-экономические итоги реформы в Таврии были глубоко противоречивы и в конечном счете негативны для основной массы сельского населения: с одной стороны, формальное освобождение личности крестьянина и потребности рыночного хозяйства колонистов и части помещиков стимулировали товаризацию аграрного сектора. Регион стал важной житницей империи. С другой стороны, ключевые механизмы реформы (выкуп, сохранение временнообязанности, дискриминация, испольщина) законсервировали архаичные социально-экономические отношения на селе. Они привели к хроническому малоземелью и обезземеливанию значительной части крестьянства даже при формально высоких нормах 1861 г.; чудовищному долговому бремени, подрывавшему экономическую основу крестьянских хозяйств; сохраняющейся правовой и экономической зависимости от бывших помещиков и землевладельцев-колонистов; росту социальной напряженности и обнищанию деревни.

Таким образом, земельная реформа в Таврии, будучи частью «Великих реформ», наглядно продемонстрировала их глубинную противоречивость и половинчатость. Не решив аграрный вопрос в пользу крестьянства, а лишь видоизменив формы его эксплуатации и зависимости, она создала в регионе мощный очаг социальной нестабильности. Накопившиеся проблемы — аграрное перенаселение, нищета, долговая кабала, земельный голод, архаичная аренда — стали питательной средой для острейших социальных конфликтов, вылившихся в массовые крестьянские волнения в начале XX в. и в конечном итоге способствовавших революционным потрясениям. Опыт Таврии служит убедительным подтверждением тезиса о том, что без радикального решения земельного вопроса на справедливых началах подлинная модернизация сельского хозяйства и стабилизация общества в пореформенной России были невозможны [1].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. М.: Респэн, 1968. 368 с.
2. *Хок С.* Банковский кризис, крестьянская реформа и выкупная операция в России 1857–1861 // Великие реформы в России 1856–1874. М.: МГУ, 1992. С. 88–104.
3. *Лосицкий А.* Выкупная операция. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1906. 210 с.
4. *Гулян А.М.* Крестьянская реформа 1861 года и ее социальные последствия // Молодой ученый. 2025. № 23. С. 420–424.
5. Государственный банк и крестьянская реформа 1861 года / под ред. С.И. Касперовича. М.: Финансы и статистика, 2011. 399 с.
6. Надднепрянская Украина во второй половине XIX в. // История Украины. Киев: Наукова думка, 2000. Т. 5. С. 88–126.

REFERENCES

1. *Zajonchkovskij P.A.* *Otmena krepostnogo prava v Rossii* [The Abolition of Serfdom in Russia]. Moscow, Rospjen, 1968, 368 p. (in Russ.)
2. *Hok S.* *Bankovskij krizis, krestjanskaja reforma i vykupnaja operacija v Rossii 1857–1861* [The Banking Crisis, the Peasant Reform and the Redemption Operation in Russia 1857–1861]. In: *Velikie reformy v Rossii 1856–1874* [The Great Reforms in Russia 1856–1874]. Moscow, MGU, 1992, pp. 88–104. (in Russ.)
3. *Losickij A.* *Vykupnaja operacija* [The Redemption Operation]. St. Petersburg, Tip. V. Kirshbauma, 1906, 210 p. (in Russ.)
4. *Guljan A.M.* *Krestjanskaja reforma 1861 goda i ee socialnye posledstviya* [The Peasant Reform of 1861 and Its Social Consequences], *Molodoj uchenyj* = Young Scientist, 2025, No. 23, pp. 420–424. (in Russ.)
5. *Gosudarstvennyj bank i krestjanskaja reforma 1861 goda* [The State Bank and the Peasant Reform of 1861], ed. by S.I. Kasperovich. Moscow, Finansy i statistika, 2011, 399 p. (in Russ.)
6. *Naddneprjanskaja Ukraina vo vtoroj polovine XIX v.* [The Dnieper Ukraine in the Second Half of the 19th Century]. In: *Istorija Ukrainy* [History of Ukraine]. Kiev, Naukova dumka, 2000, vol. 5, pp. 88–126. (in Russ.)

Дерусов Андрей Алексеевич, аспирант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мелитопольский государственный университет», derusov.1965@mail.ru

Andrey A. Derusov, PhD Post-graduate Student, Melitopol State University, derusov.65@mail.ru

Статья поступила в редакцию 03.09.2025. Принята к публикации 25.10.2025

The paper was submitted 03.09.2025. Accepted for publication 25.10.2025